

Вольфганг Штрёк

ГИБКИЙ РЫНОК – СТАБИЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО?

Параллельно начавшемуся в 1970-х гг. распаду стандартной модели занятости шла дестабилизация семейных отношений. Данная статья – немного переработанный вариант пленарного доклада на съезде Немецкого социологического общества в 2008 г. – обсуждает возможную взаимосвязь между прогрессирующим развитием нестандартных моделей в трудовых отношениях и в структуре семьи и исследует связь обоих этих процессов с наблюдаемым в то же самое время снижением рождаемости. Коэволюция трудовых и семейных отношений может объясняться как преимуществами свободного рынка, так и накладываемыми им ограничениями. Нынешний уклон в сторону новой социальной политики, направленной на повышение рождаемости, – пример того, как экспансия рыночных отношений и порождаемая ею нестабильность жизни индивидуума вызывают потребность во вмешательстве государства. Такое развитие событий поразительно напоминает нынешний кризис в банковской сфере, когда освобождение финансовых рынков от традиционных ограничений и растущая товаризация денег влекут за собой в конечном счете непреодолимое давление на государство, вынужденное вмешиваться с целью восстановления социальных благ стабильности и взаимного доверия. В обоих случаях, а может быть, и вообще, капитализм, очевидно, не может обойтись без вмешательства государства, создающего замену общественным отношениям, которые, попав под власть рынка, утратили в силу этого способность выполнять некоторые из своих прежних функций.

ГИБКИЙ РЫНОК, СТАБИЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО?¹

Какой уровень экономической неопределенности еще совместим с социальной стабильностью? Какой уровень социальной стабильности требуется для того, чтобы выдержать экономическую неопределенность? Это не вто-

ростепенные вопросы: они определяют, насколько свободный рынок требует ограничения или интегрирования, чтобы он функционировал и был приемлем для людей. Как рынок, так и люди – люди в особенности! – нуждаются в стабильных социальных отношениях. Но свободный или «саморегулирующийся» рынок означает колебания относительных цен. А относительные цены, в свою очередь, определяют жизненные возможности и устойчивость образа жизни всех тех, кто производит или как-нибудь иначе зависит от свободно обращающегося товара. Это относится, в частности, и к рынку труда. Там, где относительным ценам на труд позволено свободно колебаться, структура заработной платы хронически нестабильна, зарплата быстро меняется и сохранение ее не гарантировано, профессиональные навыки могут внезапно стать ненужными; люди в таком случае находятся под постоянным давлением, которое заставляет их подстраивать свою жизнь и ценностные представления под непредсказуемые изменения внешних условий – и это при том, что больше всего им нужно общество, обеспечивающее стабильность идентичности и самоидентификации, поддерживающее надежность обязательств и доверие к ним и дающее возможность долгосрочных инвестиций в устойчивые социальные связи. Именно поэтому Поланьи считал труд принципиально несовершенным, «фиктивным» товаром, а рынки труда – «сатанинской мельницей», перемалывающей как раз тот род социальных отношений, без которого, как он считал, люди не могут жить, а рынок – функционировать. (Polanyi 1957 [1944]).

Организованный капитализм 1950-х – 1960-х гг. был международной реакцией на катастрофические социальные последствия, вызванные, по широко распространенному в то время мнению, ничем не стесняемым функционированием саморегулирующегося рынка в 1920–1930-е гг. Политэкономия фордизма или кейнсианства (термины, которые тогда использовались почти как синонимы) создавалась специально для того, чтобы примирить капитализм с социальной стабильностью. Она позволила поколениям, прошедшим через Великую депрессию и Вторую мировую войну, вновь зажить стабильной, устойчивой жизнью. Ядром этой политики была система социальных прав, обеспечиваемая демократической политикой; предполагался приоритет этой системы над механизмами рынка; сюда входили: право на прожиточный минимум, свобода от нищеты, некоторая степень социального и экономического равенства, равный доступ к образованию, социальная защита на периоды безработицы и болезни, а также в старости. Восстановление капиталистической политэкономии оказалось возможным лишь при условии, что капитализм приспособится к общественным потребностям, как они тогда понимались. Правительства превратили порученные им государства в механизмы, специализирующиеся на предоставлении постоянного места работы и стабильной заработной платы, способные подыскивать работу для исполнителей, а не наоборот, выравнивающие цикл деловой активности, обеспечивающие порядок в промышленности, защищающие права трудящихся на рабочих местах, способные на создание и поддержание гигантских государственных инфраструктур для поддержки экономическо-

1. Доклад на пленарном заседании полугодичного съезда Немецкого социологического общества по теме: «Ненадежные расчеты. Инновации, стабильность и социальные последствия современного капитализма». Йена, 6–9 октября 2008 г.

Таблица 1: Занятость и социальная защита

Год	Уровень экономической активности		Имеющие социальную страховку*	Безработные*
	доля занятых среди всего населения	доля занятых среди женщин		
1970	65,8	45,9	?	0,4
1975	64,3	46,4	74,5	2,3
1980	65,2	48,3	75,1	1,7
1985	61,1	47,0	68,9	6,7
1990**	66,3	53,8	70,9	4,5
1995	64,6	55,1	71,4	7,9
2000	65,4	57,7	66,2	7,4
2005	65,4	59,5	60,6	10,6
2006	67,1	61,4	61,1	9,8
2007	68,9	63,1	61,5	8,3

* В процентах от экономически активного населения

** Данные до 1990 г. включительно — только по Западной Германии.

го прогресса, и запускающие грандиозные проекты всех видов, чтобы стимулировать технологические новации. Кроме того, коллективные соглашения, вытребованные сильными профсоюзами, в сочетании с дополнительными системами социального обеспечения поддерживали традиционную структуру семьи с гендерным разделением труда; ее опорой была так называемая семейная (то есть позволяющая содержать жену и детей) заработная плата на одного работающего, что отчасти позволяло, а отчасти и принуждало женщин оставаться домохозяйками и защищать семейную жизнь от давления рынка с его тенденцией к рационализации и товаризации.

Как известно, в 1970-х гг. фордистские обещания экономической и социальной безопасности и стабильности выполнять стало невозможно — во всяком случае от них постепенно отказались. В мире нарастающей конкуренции работодатели и правительство убеждали рабочих и профсоюзы не настаивать на том, что теперь с осуждением называлось «инертностью» покойного Старого режима, и проявлять больше «гибкости» в вопросах найма, увольнения, системы профессиональных навыков, зарплаты и ее структуры, продолжительности рабочего дня и прочих аспектов трудовых отношений.

Работникам предлагалось теперь не требовать надежности, а принимать на себя все больше риска и ответственности, разделяя то и другое с работодателями, отчаянно борющимися за свою «конкурентоспособность» на рынке в условиях нарастающей глобализации. Стандартные — как их стали теперь называть — трудовые отношения фордистской эпохи постепенно разрушались. Этот процесс занял более двух десятилетий и еще не завершился. Более того, он прогрессировал и прогрессирует по разным траекториям в разных странах, хотя его основа везде одинакова: он заставляет работников быстрее

Таблица 2: Атипичная занятость, в процентах от общей численности работающих

	частичная	маргинальная	временная	общая
1997	11,7	4,5	6,3	17,5
1999	13,0	5,9	7,4	19,7
2001	13,9	6,1	7,0	20,1
2003	15,3	6,7	6,8	21,2
2005	16,2	8,4	8,3	23,4
2007	16,4	9,2	8,8	25,5

Возможен множественный учет

Источник: Statistisches Bundesamt (Федеральное статистическое управление), сентябрь 2008 г.: Atypische Beschäftigung auf dem deutschen Arbeitsmarkt. Wiesbaden.

реагировать на изменения рынка, нести все большую долю расходов на структурные изменения, быть более легкими на подъем и готовыми на частую смену деятельности, в том числе и с понижением статуса — это вызвано более строгими нормами того, что в Германии называется *Zumutbarkeit* (то, чего можно ожидать или требовать от человека); требуется принять идею перманентного обучения, чувствовать собственную ответственность за свою «применимость на рынке труда», отказаться от надежности в пользу «гибкости», то есть смириться с периодами безработицы в надежде, что она не продлится долго благодаря действенной помощи государственной службы занятости; согласиться с тем, что все большая часть заработной платы заменяется на бонусы за индивидуальную и коллективную производительность; понять, что «семейная зарплата» ушла в прошлое, поскольку работодатели уже не могут платить двоим, когда работает только один; и в целом вести «гибкую» жизнь, приспособленную к зигзагам все более изменчивого международного рынка, в противоположность стабильной жизни, защищенной от капризной неустойчивости колеблющихся относительных цен.

В Германии отход от стандартных трудовых отношений и фордистской структуры государства и общества начался поздно и продвигался медленно. Общий процент работающих по найму непрерывно снижался до середины 1980-х гг. из-за системы социального обеспечения, которая во многих случаях позволяла досрочный выход на пенсию, а доля работающих женщин оставалась низкой, что отчасти объяснялось высокой заработной платой кормильца-мужчины (Таблица 1). И лишь к концу столетия занятость стала расти — среди женщин на восемь процентов, а среди населения в целом — более чем на четыре процента (в период между 1995 и 2007 гг.). Число вышедших на рынок труда резко возросло в правление Шредера и далее в период постшредеровских реформ, что, безусловно, связано с сокращением пособий по безработице и ужесточением критериев приемлемости (*Zumutbarkeit*) той или иной работы для данного человека. В числе других факторов, способствовавших такой динамике — видимо, и десять лет

Таблица 3: Общее количество отработанных часов и средняя продолжительность рабочего дня, 1970–2005 гг.

	Общее количество отработанных часов времени (млрд часов)	Среднегодовое рабочее время на человека (часов)	Среднее количество рабочих часов в неделю	
			Мужчины	Женщины
1970	52.3	1955	45,2	39,2
1975	47.4	1794	42,2	35,9
1980	48.0	1750	42,4	35,2
1985	46.1	1695	41,4	34,4
1990*	48.0	1611	40,7	31,9
1995	57.7	1534	40,8	33,1
2000	57.7	1473	40,6	29,8
2005	55.8	1437	38,1	26,9

* Данные до 1990 г. включительно — только по Западной Германии.

непрерывного понижения заработной платы, что заставило многих женщин выйти на работу для пополнения семейного дохода. Результатом стало увеличение так называемой атипичной занятости, которая включает как неполный рабочий день (частичная занятость), так и низкооплачиваемую работу ниже уровня социального обеспечения (*geringfügige Beschäftigung*; Таблица 2). За десять лет с 1997 по 2007 гг. доля атипичной занятости, в основном среди женщин, в общей численности работающих выросла на целых восемь процентов: с 17,5 до 25,5 процентов. Когда доля женской занятости увеличилась, средняя продолжительность рабочего времени у женщин стала уменьшаться быстрее, чем у мужчин (Таблица 3) — опять-таки особенно сильно после 1995 г., а среднее количество рабочих часов на одного работника резко сократилось. Это служит подтверждением того факта, что женская занятость — по-прежнему главным образом атипичная или временная. Немало признаков указывает также на то, что в 1990-е гг. сильно ослабла стабильность занятости, особенно среди малоквалифицированных работников, хотя точные данные получить трудно (Erlinghagen 2006). Эта тенденция была, вероятно, усилена ростом атипичной занятости в середине текущего десятилетия. Кроме того, процент участников рынка труда, охваченных системой социального обеспечения, за двенадцать лет (с 1995 по 2007 гг.) сократился на десять процентов (Таблица 1).

Медленный, но ускоряющийся распад фордистских стандартных трудовых отношений и растущая гибкость рынка труда, очевидно, влечет за собой большой риск и более высокую неопределенность для участников рынка труда, в частности, для заводских рабочих. Вопрос, с которого я начал, заключается в том, как долго может продолжаться подобный процесс, и какого рода стабилизирующее вмешательство может потребоваться, чтобы сделать рынок труда более гибким и вместе с тем экономически жиз-

Таблица 4: Браки и разводы, 1970–2005 гг.

	Новые браки на 10 000 жителей	Разводы		Соотношение браков и разводов
		На 10 000 жителей	На 10 000 браков	
1970	72,9	12,6	50,9	5,8
1975	62,7	17,3	67,4	3,6
1980	58,8	15,6	61,3	3,8
1985	59,8	21,0	86,1	2,9
1990*	65,8	19,4	81,0	3,4
1995	52,6	20,7	86,8	2,5
2000	50,9	23,7	101,3	2,2
2005	47,1	24,5	108,8	1,9

* Данные до 1990 г. включительно — только по Западной Германии

Источники: Федеральное статистическое управление (Statistisches Bundesamt); собственные подсчеты

неспособным и социально приемлемым. Прежде чем перейти к этому, я тем не менее хотел бы отметить, что снижение стабильности занятости в течение последних трех десятилетий сопровождалось, по-видимому, еще более резким упадком традиционных семейных структур. Фактически исторический переход к тому, что можно назвать большей гибкостью семьи наряду с более гибкой занятостью, судя по всему, начался раньше, чем трансформация системы занятости — по крайней мере, в Германии, где послевоенный режим рынка труда длился дольше, чем в других местах. Например, параллельно с ростом гибкости рынка труда число браков за год сокращалось почти непрерывно с 1970 г., в то время как количество разводов — удвоилось, то же относится и к населению и существующим бракам. Кроме того, соотношение между новыми браками и разводами в год за 35 лет упало с почти шести заключаемых браков на один развод до менее двух (Таблица 4). В то же время число пар, живущих вместе без регистрации брака (внебрачные союзы), увеличилось не менее чем в семь раз между 1978 и 2005 гг., а число не состоящих в браке пар, имеющих детей, увеличилось за тот же период вдвое быстрее — в 15 раз. Еще более удивительно, что в 2005 г. почти 30 процентов новорожденных — дети родителей, не состоящих в браке, а в начале 1970-х г. эта цифра была менее шести процентов.

Иначе говоря, упадок фордистского общественного строя распространился не только на институты рынка труда, но и на социальную структуру, для поддержки которой эти институты вроде бы и были созданы. О чем бы еще ни свидетельствовали данные о браках, разводах, внебрачных союзах или о родителях-одиночках и родителях, не регистрирующих брак, несомненно одно: они указывают на складывание куда более свободной и поистине «гиб-

Таблица 5: Семейные отношения детей, родителей и супругов

	Родители-одиночки (тыс.) «А»	Незарегистрированные пары, имеющие детей (тыс.) «В»	Сумма «А» и «В» в процентах от общего числа пар с детьми	Внебрачные дети в процентах от общего числа рожденных за год	Незарегистрированные пары в процентах от общего числа пар
1970	?	?	?	5,5	?
1975	?	?	?	6,1	?
1980	1,465*	51*	13,9*	7,6	2,3*
1985	1,690	70	16,9	9,4	4,7
1990**	1,715	107	17,1	10,5	6,3
1995	2,266***	475***	21,0***	16,1	9,2***
2000	2,347	621	23,1	23,4	10,7
2005	2,572	770	26,6	29,2	12,8

* 1978.

** Данные до 1990 г. включительно — только по Западной Германии.

*** 1996.

Источники: Федеральное статистическое управление (Statistisches Bundesamt); собственные подсчеты

кой» модели взаимодействия партнеров в личной и семейной жизни, чем традиционная модель 1950-х и 1960-х гг. — это можно описать как превращение мелкобуржуазного образа жизни значительных слоев населения в «мелкобюджетный». Взаимные обязательства, судя по всему, ослабли; во всяком случае они перестали быть абсолютными, появилась возможность их прекращения, что сделало их внутренне менее надежными. Иными словами, с приходом постфордистской семьи, та деинституционализация, которая ассоциируется с гибкостью на рынке труда, похоже, наступила и в личной жизни людей, вынуждая человека смириться с куда меньшей экономической и, надо думать, также эмоциональной надежностью, чем в более стабильном прошлом. О том, насколько сократился горизонт предсказуемости в личной жизни, свидетельствует рождаемость: ведь дети — наиболее долгосрочное обязательство, на которое способен человек, и от него труднее всего отречься. Еще в 1965 г. на 1000 жителей приходилось 17,4 новорожденных, а к 2005 г. это число сократилось до 8,3, то есть более чем в два раза (Таблица 6).

Чем же объясняется растущая ненадежность партнерства как на рынке труда, так и в частной жизни? Возможны — и предлагались — два объяснения этого явления, на первый взгляд противоречащие друг другу. Одно из них исходит из *привлекательности* рынка, а другое — из его *давления и принуждения*, которые он создает. Первый, либерационистский дискурс понимает и принимает растущую ненадежность как цену прогресса, ведущего к боль-

Таблица 6: Новорожденных на 1 000 жителей, суммарный коэффициент рождаемости, 1970–2005 гг.

	Новорожденных на 1 000 жителей	Суммарный коэффициент рождаемости
1970	13.4	2.02
1975	10.0	1.45
1980	11.0	1.44
1985	10.5	1.28
1990*	11.4	1.45
1995	9.4	1.25
2000	9.3	1.38
2005	8.3	1.34

* Данные до 1990 г. включительно — только по Западной Германии.

Источники: Федеральное статистическое управление (Statistisches Bundesamt);

шей личной свободе. Выход женщин из традиционной семейной жизни в мир наемного труда воспринимается как запоздалый отказ от устаревших репрессивных институтов и образа жизни. Конечно же, выход женщин на рынок труда, а тем самым и к личной независимости («эмансипация»), наталкивался на сопротивление фордистского устройства рынка труда — мужской в своей основе конструкции, основанной на домоседстве и покорности женщины.

Действительно, жесткий рынок труда и жесткая структура семьи — тесно связанные явления так же, как свободный рынок труда — необходимое условие личной свободы. Особенно в таких странах, как Германия с ее прочными традиционными институтами рынка труда, растущее предложение женской рабочей силы дольше тормозилось институциональными барьерами, заложенными в системе «семейной заработной платы» и социального обеспечения, основанных на модели мужчины — единственного кормильца семьи. Тем не менее и в Германии жесткие установления, защищавшие историческую прерогативу мужчин продавать свою рабочую силу за деньги, а значит, и традиционное устройство семьи с гендерным разделением труда, в конце концов вышли из употребления. Сегодня растущая гибкость рынка труда облегчает женщинам все расширяющийся доступ к оплачиваемой трудовой занятости, и чем дальше, тем больше — на тех же условиях, что и мужчинам. Очевидно, что гибкий рынок труда, открытый для всех, не может обеспечить такой же надежности и стабильности, как рынки труда фордистских времен, и что одному работнику здесь уже не платят столько, чтобы он мог прокормить двух человек. Но это цена, которую стоит платить. В любом

случае дело людской изобретательности – защитить себя от новых рисков, при поддержке, как хочется верить, реформированной социальной политики, направленной на удовлетворение потребностей рабочей силы и общества, не разделенных по гендерному принципу.

Сравним это с дискурсом *давления рынка*, где говорится в общих чертах следующее.

Начиная с 1970-х стагнация реальной заработной платы и рост безработицы вынудили семьи увеличить предложение на рынке труда, чтобы сохранить тот уровень жизни, к которому они привыкли. Разрушение социальной защиты от коммерциализации труда и снижение эффективности социальных прав, вызванные усилением конкуренции на товарных рынках и растущим политическим контрастованием со стороны работодателей, сделали трудящихся и членов их семей жертвами все большей непредсказуемости рынка. Доходов одного кормильца уже не хватало, женщинам пришлось искать работу – по возможности на неполный рабочий день – за неимением лучшего ответа на экономические проблемы, вызванные ускоренной промышленной реструктуризацией. Формирование стабильных семейных отношений было отложено или прекращено, поскольку отсутствие экономической надежности препятствует основанию устойчивой традиционной семьи; вместо этого стала оформляться новая модель – «семья на полторы ставки», служащая своего рода импровизированным частным дополнением к государственным институтам социального обеспечения.

Одним из результатов было и продолжает оставаться растущее число одиноких матерей, живущих на грани бедности. Действительно, наличие детей, особенно больше чем одного или двух, стало главной причиной бедности как отдельных лиц, так и семей. Неудивительно, что уровень рождаемости продолжал снижаться и спустя долгое время после того, как в конце 1960-х гг. впервые появились общедоступные и эффективные методы контрацепции. К концу века увеличение расходов на социальную помощь привело к вынужденным реформам социального государства и администрирования на рынке труда, направленным на возвращение неработающих, в том числе матерей-одиночек, к самостоятельному зарабатыванию денег. Расширение доступа к рынку для «аутсайдеров», потребовало в свою очередь отменить хотя бы отчасти институциональную поддержку «инсайдеров», что еще усилило распространяющееся чувство неуверенности в будущем. По мере роста возможностей для всякого рода «атипичной», гибкой занятости растет и давление на стандартные трудовые отношения, лежащие в основе системы занятости. В отличие от либерационистского сценария, по которому участие в рыночных отношениях открывает путь к желаемому месту в обществе, – по сценарию «экономического давления» рыночные отношения – скорее навязанная данность, чем результат самостоятельных стремлений, а связанная с рынком ненадежность подрывает формирование устойчивых социальных обязательств или разрушает их по мере того, как система социальных прав, изобретенная в послевоенный период, чтобы оградить общество от товаризации, отступает под давлением рыночной системы.

Разумеется, есть несколько способов совместить обе теории – либерационистскую и «давления рынка». Можно сказать, например, что либерационистский сценарий приложим к верхней части социального спектра, сценарий «давления рынка», видимо, отражает процессы в нижней его части. Очевидно, что способность людей смириться с ненадежностью рыночных взаимосвязей или даже радоваться ей неодинакова у разных социальных классов. Для одних исход из жесткой фордистской семьи на гибкий рынок – восхитительное приключение, для других – неприятная экономическая необходимость. Чем выше место человека на социальной пирамиде, тем больше он умеет и тем больше у него семейных и других связей, которые позволяют ему воспользоваться преимуществами рынка, избежав накладываемых им ограничений. Среднему классу очевидно, что человеческий капитал – отличная замена социальным правам; видимо, именно поэтому реформаторы «государства всеобщего благосостояния» имеют шанс убедить публику, что образование – панацея от всех неудобств, связанных с либерализацией.

Другой способ совместить обе теории – принять либерационистский подход за идеологическое отражение тех структурных ограничений, которые описывает теория рыночного давления. Идеологии описывают реальность, но выборочно, – так, чтобы она представляла либо идеальной, либо неизбежной, и таким образом придают ей положительный смысл. Идеология, прославляющая гибкую и переменчивую жизнь, даруемые ею свободу и возможности, может стать господствующей, если создаваемый ею образ реальности и будущих перспектив обладает привлекательностью и убедительностью для тех, кто распоряжается публичным дискурсом.

Став господствующим, идеологическое мировоззрение становится общественно-обязательным способом представлять себе мир, говорить о нем и действовать в нем. Таким образом то, что начиналось, вероятно, как давление рынка на домохозяйства, борющиеся за сохранение своего уровня жизни, может постепенно превратиться в гражданский долг поисков работы, а результаты рыночных операций начинают восприниматься как верное, по большому счету, отражение усилий и способностей человека – в соответствии с общекультурным требованием, что люди должны с энтузиазмом приветствовать неизбежное и с радостью делать необходимое. На этом пути требование к домохозяйствам предоставлять на рынок больше труда – что стало необходимо для дальнейшего развития капитализма и жизнеспособности «государства всеобщего благосостояния» – встретилось с растущей готовностью граждан не только смириться с возрастающей рыночной нестабильностью, но справляться с меньшей надежностью и большей неуверенностью в частной жизни.

Как именно связаны экспансия рынка и возрастающая деинституционализация семьи, выяснено еще далеко не полностью – в частности, конечно, из-за того, что непредвзятому исследованию препятствует множество табу и правил политкорректности. Твердые убеждения наталкиваются друг на друга в эпоху растущей моральной неуверенности, что приводит к куль-

турным войнам, за которыми стоят могущественнейшие экономические интересы и мотивы. К тому же, как особенно хорошо видно на примере Америки, учитывать надо не только рынок, но и «государство всеобщего благосостояния», что еще повышает экономическую, политическую и моральную сложность этой темы.

Например, там, где формальное закрепление семейных отношений подразумевает обязанности взаимно поддерживать друг друга, и эта поддержка заменяет право на социальные льготы, современные «государства всеобщего благосостояния» косвенно поощряют к тому, чтобы не вступать в формально закрепленные семейные отношения — особенно если все более гибкий рынок труда не дает человеку никакой уверенности, что он всегда будет в силах прокормить неработающую супругу или семью с детьми. Где двое по отдельности получают больше социальных льгот, чем семейная пара, там социальная политика создает весомые социально-экономические причины не вступать в официальные семейные отношения. Достаточно вспомнить, что незарегистрированные сожительства в послевоенной Германии раньше всего распространились среди пенсионеров: женщины не хотели терять пенсию, положенную вдовам. Другим примером может служить резкий рост числа Bedarfsgemeinschaften (отдельных домохозяйств) после принятия «Харц IV» (реформы пособий по безработице и социальных выплат в 2005 г.), когда молодые люди разъезжались с родителями, чтобы получить права на социальную помощь, положенную отдельному хозяйству, и точно так же пары, жившие вместе, разъезжались по разным квартирам — или, по крайней мере, делали вид, что разъехались. Я не буду, да и не в состоянии описывать подробности: для того чтобы понять, как взаимодействуют модели занятости, политика социального государства и семейные отношения, видимо, потребуется еще немало исследовательского труда.

Во всяком случае для наших целей мы вполне можем констатировать, что экспансия рыночных отношений, в особенности либерализация рынка труда и обратное превращение труда в товар, сопровождались и облегчались широким и удивительно успешным перевоспитанием населения. Это была настоящая культурная революция, учившая людей смотреть на гибкость и ненадежность как на своего рода индивидуальный экзамен, открывающий путь не только к экономическому преуспеянию, но и к личностному росту, а не как на утрату коллективно завоеванных социальных прав². Постепенно выясняется, что жизнь в условиях рыночной нестабильности гораздо более приемлема для людей или требует куда меньше принуждения, чем казалось всего несколько десятилетий назад. По-видимому, вообще приемлемых для человека стилей и укладов жизни значительно больше, чем представлялось в середине XX в., и границы рынка можно раздвинуть значительно шире, чем могли предположить консервативные радикалы вроде Поланьи.

2. Битва, конечно, еще далеко не завершена, о чем свидетельствуют, в частности, в Германии очаги сопротивления, организованного новой левой партией — «Дилинке» («Левые»).

Поланьи, несомненно, удивился бы, насколько люди в странах развитого капитализма оказались готовы — или согласились под экономическим и культурным давлением — приспособиться к нестабильности экономического развития и социальной структуры и рискам непредсказуемых колебаний современного рынка труда. Оглядываясь назад, поражаешься строго параллельному развитию функциональных потребностей и культурных ценностей, породившему все более нормативно-обязательную модель социальной жизни, согласованную с требованиями развивающейся рыночной экономики в целом и повышением женского участия в рынке труда в частности: модель, куда входят культурная и структурная индивидуализация, напряженная работа, потребление напоказ как признак социального статуса и личных достижений, высокая территориальная мобильность, значительное сращивание работы и личного времени, строгая рационализация семейной жизни, подстраиваемой под требующую гибкости работы, готовность смириться и виртуозно справляться с постоянным цейтнотом (Schor 1992), более краткосрочные виды социальной интеграции, а также личной и профессиональной идентификации (Sennett 1998), и главное, растущая нестабильность и непредсказуемость личных обстоятельств, как дома, так и на работе.

Конечно, развивающиеся новые отношения между рынком и социальной структурой не лишены противоречий. Культура рынка имеет свои неудобства так же, как любая другая. Один из мелких примеров — теперешний конфликт между навязываемой работодателями политикой «активизации», которая, в частности, требует от работников преодолевать большие расстояния до места работы, и отменой налоговых льгот для жителей пригорода³, работающих далеко от дома.

Куда важнее другой пример: противоречие между выходом женщин на рынок труда и ожиданиями государства, неизбежными по соображениям бюджета, что семьи возьмут на себя основную часть растущего бремени ухода за пожилыми людьми. Эта проблема еще не стала политическим вопросом первого плана, в то время как проблема снижения рождаемости отчетливо видна уже сегодня. На протяжении ряда лет наблюдается все большее единодушие, даже среди таких «консервативных» партий, как ХДС, относительно того, что гибкие модели семьи и занятости вынуждают государство взять на себя ответственность за обеспечение детей, если правительство считает, что общество в них нуждается. Это связано с тем, что семьи и отдельные люди как в верхних слоях, так и в низах общества оказались слишком заняты погоней за преимуществами рынка или борьбой с его давлением, чтобы брать на себя дополнительное бремя воспитания детей в количестве, необходимом для воспроизводства общества. Здесь, как и во всем остальном, ирония ситуации в том, что как положительные, так

3. Для пар живущих совместно, в браке или нет, в случае если оба партнера работают и вынуждены ездить в разных направлениях — смена места жительства не является решением проблемы.

и отрицательные последствия рыночной экспансии создают дополнительные расходы, которые падают на общество в целом. По крайней мере именно так дела обстоят в Германии, где даже семьи из среднего класса ожидают сейчас, что государство возместит им упущенную выгоду и расходы на воспитание детей с целью — понимаемой как государственная задача — обеспечить возможность равного участия мужчин и женщины в рынке труда.

И в самом деле, важным следствием все возрастающей товаризации труда стало появление на горизонте социальной политики совершенного нового рода, причем эта новация оказалась на удивление приемлема для всех политических сил, — как правых, так и левых, — хотя она проникает в самую глубь социальной ткани. Ввиду растущей экономической неуверенности из-за отказа от «семейной зарплаты» и перехода к гибким трудовым и семейным отношениям и в условиях, когда издержки на детей возрастают, все согласны, что вмешательство государства необходимо, чтобы компенсировать вызванный экспансией рынка упадок экономической и общественной стабильности и его отрицательное воздействие на рождаемость.

Обеспечение государством бесплатного ухода за детьми, увеличение детских пособий, новое пособие семьям за рождение ребенка, возросшие выплаты на детей через систему социального обеспечения и другие льготы — все это уже превращает воспитание детей из личного дела в предмет заботы общества, даже для среднего класса⁴.

В основе лежит, очевидно, всеми разделяемое убеждение, что если государству нужны дети, в то время как семьи не могут или не хотят их рожать, государство должно оплачивать производство детей. Примечательно, что затраты на так называемую «семейную политику» — единственная статья государственных расходов, которая в последние годы неуклонно росла; запланирован и ее дальнейший рост. Более того, похоже, что ни одна политическая сила ни в центристском «социальном государстве» континентального типа, как Германия, ни в социал-демократической до мозга костей Швеции, не оспаривает необходимости дорогостоящих программ компенсирующих недополученный доход семьям среднего класса, где работают оба родителя — при том, что эти программы требуют существенного перераспределения доходов.

Итак, судя по всему, оба сценария, описывающие коэволюцию гибкого рынка труда и не закрепляемых официально семейных отношений — как идеология «широких возможностей», так и дискурс «давления рынка» — сходятся в том, что экспансия рынка создает разрывы социальной ткани и нарушения в функционировании коллектива, которые приходится компенсировать за счет государства. Здесь, как и везде, личная выгода требует

поддержки со стороны государственной инфраструктуры, а личные проблемы, возникающие в погоне за этой выгодой, решаются с помощью социальной политики. Такое развитие событий поразительно напоминает нынешний кризис в банковской сфере, когда освобождение финансовых рынков от традиционных ограничений и растущая товаризация денег влекут за собой в конечном счете непреодолимое давление на государство, вынужденное вмешиваться с целью восстановления социальных благ стабильности и взаимного доверия. В обоих случаях и, возможно, в целом капитализм, судя по всему, не может обойтись без общественной силы, которая могла бы создать замену социальным отношениям, пропитавшимся рынком и утратившим в силу этого способность выполнять некоторые из своих прежних функций. Разумеется, нет никаких гарантий, что такая работа социального «ремонта» будет всегда осуществима. Даже если теоретики-социологи или социальные работники считают что-либо «функционально необходимым», это еще не значит, что удастся убедить в этом политиков и что экономических ресурсов хватит для того, чтобы обеспечить это в реальности. Что касается семейной политики, восполнение пробелов, вызванных разрушением традиционных семейных отношений в силу соблазнов рынка и его давления, является проблемой для и без того перегруженного, погрязшего в долгах социального государства, так как требует отвлечь необходимые средства из других областей бюджета. Насколько все это будет возможно в реальности — открытый вопрос, на который я не в состоянии на данный момент ответить.

ЛИТЕРАТУРА

- Erlinghagen M. Erstarrung, Beschleunigung oder Polarisierung? // Arbeitsmarktmobilität und Beschäftigungsstabilität im Zeitverlauf: Neue Ergebnisse mit der IAB-Beschäftigtenstichprobe. Graue Reihe des Instituts Arbeit und Technik. 2006. № 1.
- Hochschild A. R. The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time (1944). Boston: Beacon Press, 1957.
- Schor J. The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure. New York: Basic Books, 1992.
- Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York: Norton, 1998.

4. В таких странах, как Исландия и Швеция, это превращение практически завершилось. В Соединенных Штатах напряженно-активная жизнь родителей-одиночек и семей, где работают оба родителя, возможна лишь благодаря низкооплачиваемому обслуживающему персоналу, в основном из иммигрантов, и общей коммерциализации семейной жизни как функциональной альтернативе государственной поддержке в Европе (Hochschild 2003).